

Мас.
104

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Последние произведения г. Чехова: "Человек в футляре", "Крыжовник", "Любовь". — Пессимизм автора. — Безысходно-мрачное настроение его рассказов. — Субъективизм, преобладающий в них. — Первая народная выставка <...>

Каждое новое произведение г. Чехова вызывает живейший интерес, и не потому, чтобы изящная литература последнего времени.../ Начало статьи см. в кн. А.Богдановича "Годы перелома" Спб., 1908, с.189-190/1-0/.

стр. 2. „Человѣкъ въ футлярѣ“ лучший изъ ~~нихъ~~ ~~ушихся въ последнее время~~ и самый значительный по со-
держательности темы и типичности выхваченнаго изъ жизни
явленія. Кому не знакомъ этотъ жалкій, ничтожный, плю-
гавенскій и въ то же время страшный „человѣкъ въ фут-
лярѣ“, для котораго жизнь свелась къ отрицанію жизни?
Онъ, какъ кошмаръ, давитъ все живое, сдерживаетъ про-
явленіе всякаго общественнаго, альтруистическаго движенія
своимъ мертвящимъ прицѣвомъ — „какъ бы чего не вышло“.
Эта ходячая пародія на человѣка изображена авторомъ съ
поразительнымъ совершенствомъ, что при необычайной есте-
ственности и простотѣ, съ какою написанъ весь рассказъ,
дѣлаетъ эту фигуру почти трагическою. Рассказъ ведется
отъ перваго лица. Учитель гимназіи Буркинъ рассказываетъ
про своего товарища, недавно умершаго учителя греческаго
языка Бѣликова.

„Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, — говоритъ Буркинъ, —
что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ
калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто
на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ
чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда онъ вынималъ перочинный
ножикъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ былъ въ че-
хольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ
онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ

носилъ темные очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было: и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни. „О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ!“ говорилъ онъ съ сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднявъ палецъ, произносилъ: Антропосъ!

„И мысль свою Бѣликовъ также старался запереть въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено — и баста. Въ разрѣшеніи и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

— Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

3. „Всякія нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебенъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, „какъ бы чего не вышло“. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ, — ахъ, какъ бы не дошло

до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло, — и что если бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго — Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ маленькомъ лицѣ, — знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька, — онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ-концовъ исключали и Петрова, и Егорова... Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять — пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ“...

Таковъ этотъ мастерски написанный портретъ, вдумываясь въ который, чувствуешь, какая глубокая правда лежитъ въ его основѣ. Бѣликовъ — это сама жизнь, та житейская тина, болото, съ которымъ приходится имѣть дѣло на каждомъ шагѣ, которое все грязнить и душить въ своей вонючей грязи. Бѣликовъ — это общественная сила, страшная своей неуязвимостью, потому что она нечувствительна, недоступна человѣческимъ интересамъ, страстямъ и желаніямъ. Законанный въ броню циркуляровъ, все воспрепятствующихъ и все „упорядочивающихъ“, Бѣликовъ попираетъ на законномъ основаніи самыя естественныя требованія сердца, самыя простыя проявленія человѣческихъ отношеній. И что ужаснѣе всего, онъ дѣйствуетъ, какъ ядовитый микробъ — не насиліемъ, не грубыми, жестокими приемами, самая жестокость которыхъ могла бы возмутить людей, а незамѣтно, медленно, постепенно растлѣвая все окружающее, доводя до отупѣнія и безвольнаго согласія всѣхъ на самыя дикія и по существу безчеловѣчныя мѣры. Этотъ приемъ его — „какъ бы чего

не вышло" — исходитъ какъ будто изъ чувства заботливости, желанія добра, стремленія оградить отъ возможныхъ золъ и бѣдствій. Онъ подкупаетъ, съ одной стороны, не привыкшую къ критикѣ среду, съ другой — запугиваетъ, и въ концѣ концовъ все покоряетъ.

Кромѣ того, онъ — сила еще и потому, что онъ — единственное лицо, которое твердо знаетъ, чего хочетъ. А знаніе это ему дается легко: онъ *ничего* не хочетъ, *ничего* не желаетъ, *ни къ чему* не стремится. Его идеаль — отрицаніе жизни. Онъ сила потому, что онъ идеальнѣйшій *нигилистъ*. Понятно, въ борьбѣ противъ него его товарищи, учителя, „народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ“, должны пасовать. Ихъ желанія, мысли, стремленія, все это — живыя, измѣнчивыя движенія души, колеблемыя, яко тростникъ. А противъ стоитъ одно неизмѣнное отрицаніе, неуязвимый футляръ, внутри пустой, гордый этой пустотой и побѣдоносный въ сознаніи своей правоты, не встрѣчающій единственного дѣйствительнаго протеста — простой, житейской силы, которая, не мудрствуя лукаво, взяла бы его за шиворотъ и вышвырнула бы за окно.

Такъ поступаетъ съ нимъ свѣжій человѣкъ, и этотъ пріемъ оказывается самымъ дѣйствительнымъ. Бѣликовъ вздумалъ нѣсколько приподнять футляръ, заняться дѣломъ, которое разрѣшается даже циркулярами: онъ задумалъ жениться. Какъ и слѣдовало ожидать, такое жизненное дѣло, въ которомъ циркуляры и запрещенія плохая помощь, оканчивается для Бѣликова трагикомически. Какъ-то, въ періодъ ухаживанія, онъ встрѣчаетъ свой „предметъ“ катающимся на велосипедѣ въ сопровожденіи брата, то же учителя. Велосипедъ не воспрещенъ циркуляромъ, но и прямого разрѣшенія на него то же не имѣется. И вотъ человѣкъ въ футлярѣ отправляется къ брату „предмета“ съ предостереженіемъ — „какъ бы чего не вышло“, но встрѣчаетъ неожиданный отпоръ. Опѣшившій Бѣликовъ начинаетъ благо-разумно ссылаться на то, что вообще... Нѣтъ! Здѣсь авторъ такъ неподражаемо живописуетъ своего героя, что никакая передача не можетъ дать хоть тѣни понятія о характерѣ человѣка въ футлярѣ.

— Что же собственно вамъ **угодно**? — спрашиваетъ его Коваленко, братъ „предмета“.

„Мнѣ угодно только одно предостеречь васъ, — отвѣчаетъ Бѣликовъ. — Вы — человѣкъ молодой, у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ вы манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то книгами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?

— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому до этого дѣла нѣтъ! — сказалъ Коваленко и побагровѣлъ. — А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

„Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать, — сказалъ онъ. — И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

— А развѣ я говорилъ, что дурное про властей? — спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой. — Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я человѣкъ честный и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ“.

Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ отъвѣчать быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вѣдь это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такіа грубости.

„Можете говорить, что вамъ угодно, — сказалъ онъ, выходя изъ передней на верхнюю площадку лѣстницы. — Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, насъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать.

— Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватилъ его сзади за воротникъ и пихнулъ, тотъ покатился внизъ по лѣстницѣ, гремя своими калошами.

Первый, рѣзкій и рѣшительный отпоръ, встрѣченный имъ такъ неожиданно, произвелъ на человѣка въ футлярѣ потрясающее дѣйствіе. Онъ захворалъ и умеръ. Могутъ замѣтить, что для такого человѣка недостаточно такого ничтож-

наго повода, чтобы умереть отъ простой обиды. Шпіоны, предатели и доносчики обладаютъ одной, имъ только присущей особенностью, — крайне легко выносить всякія обиды дѣйствіемъ. Они, что называется, въ огнѣ не горятъ и въ водѣ не тонутъ, и то, что сгубило бы въ десять разъ сильнѣйшаго, служитъ имъ только къ вящему украшенію. Это совершенно вѣрно, но лишь по отношенію къ профессиональнымъ лицамъ этого непочтеннаго цеха. Бѣликовъ же вовсе не профессионалистъ-доносчикъ, не простой фискаль, какъ его грубо называлъ Коваленко, — фискаль, работающій изъ-за мзды. Бѣликовъ искренно вѣритъ въ доносъ и необходимость доложить начальству, разъ, по его мнѣнію, потрясены основы власти хотя бы и велосипедомъ. Для него доносъ, столь непріятно дѣйствующій на Коваленко, есть актъ священный, обязательный, выполненіе коего заключаетъ въ себѣ такую же сладостную пріятность, какъ и всякое выполненіе долга. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ подвизаясь на этомъ поприщѣ и не встрѣчая противодѣйствія, Бѣликовъ могъ съ полнымъ правомъ думать, что и всѣ такъ же относятся къ доносу, такъ же видятъ въ немъ одинъ изъ устоевъ той системы, олицетвореніемъ которой выступалъ онъ, побѣдоносный Бѣликовъ, подчинявшій себѣ воспитанныхъ на Тургеневѣ и Щедринѣ, „глубоко порядочныхъ“ товарищей. И вдругъ зашиворотъ и внизъ по лѣстницѣ! Вся трусливая, жалкая душонка этого плюгавца, все значеніе котораго опиралось на страхъ, наводимомъ имъ на другихъ, должна была перевернуться, когда испытанное оружіе оказалось безсильно. Сегодня одинъ спустилъ его съ лѣстницы, завтра другой можетъ сдѣлать то же, и „какъ бы чего не вышло“.

Вся сила Бѣликова именно въ окружающей средѣ, въ слабости ея, въ расплывчатости нравственныхъ и всякихъ другихъ устоевъ, въ безсознательной подлости, составляющей общественную основу той жизни, гдѣ процвѣтаютъ Бѣликовы. Какія принципы могутъ выставить въ свою защиту эти „воспитанные на Тургеневѣ и Щедринѣ“ товарищи? Если бы они у нихъ имѣлись, развѣ получило бы такое значеніе его „какъ бы чего не вышло“? Воспитаніе на Тургеневѣ и Щедринѣ не имѣетъ никакого значенія тамъ, гдѣ вся окружающая жизнь есть сплошное отрицаніе принциповъ этихъ

великихъ воспитателей, гдѣ самое упоминаніе этихъ именъ является чуть не преступленіемъ. Для всякой борьбы, хотя бы и съ ничтожными Бѣликовыми, нужна внѣшняя сила, на которую можно бы опереться, а разъ ея нѣтъ — Бѣликовы непобѣдимы и не истребимы, что и почувствовали немедленно послѣ его смерти оставшіеся. „Хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовы, — говоритъ рассказчикъ, — это большое удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя, постныя фізіономіи; никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія, — чувства, похожаго на то, какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе уѣзжали изъ дому и мы бѣгали по саду часъ-другой, наслаждаясь полною свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья... Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи. Но прошло не больше недѣли, и жизнь, потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполне; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили; а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько еще ихъ будетъ!“ — заканчиваетъ рассказчикъ со вздохомъ, на что его слушатель ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, отвѣчаетъ: „То-то вотъ оно и есть“.

Жуткое чувство безнадежности и безысходной тоски охватываетъ читателя отъ этого безотраднaго „то-то вотъ оно и есть!“ И авторъ, чтобы усилить это давящее чувство безвыходности положенія, заставляетъ Ивана Ивановича разразиться подъ конецъ такой репликой:

„— То-то вотъ оно и есть, — повторилъ Иванъ Ивановичъ. — А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ, — развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ — развѣ это не футляръ!... Видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за

какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна, — нѣтъ, больше жить такъ невозможно!“

И читателю представляются изъ-за блѣдной фигуры Ивана Ивановича тысячи, десятки тысячъ такихъ же измученныхъ людей, которые ежедневно со стономъ повторяютъ: „такъ жить невозможно!“ и продолжаютъ жить, плодятся, воспитывать такихъ же футлярныхъ людей. Чеховъ не даетъ ни малѣйшаго утѣшенія, не открываетъ ни щелочки просвѣта въ этомъ футлярѣ, который покрываетъ нашу жизнь, „не запрещенную циркулярно, но и не вполнѣ разрѣшенную“. Созданная имъ картина получаетъ характеръ трагической неизбежности. Фигура Бѣликова разрастается, если не въ общечеловѣческую, то въ общерусскую, получаетъ значеніе не временнаго, наноснаго явленія, которое должно исчезнуть вмѣстѣ съ вызвавшими его причинами, а постоянного, въ насъ самихъ коренящагося.

Въ этомъ художественномъ преувеличеніи, въ безмѣрности авторскаго пессимизма, какъ бы онъ ни оправдывался дѣйствительностью, все же чувствуется натяжка. Слишкомъ мрачное до болѣзненности безотрадное настроеніе автора не позволяетъ ему разобраться въ массѣ условій, создающихъ футлярное существованіе для русскаго обывателя. Духота и тѣснота этой жизни не оттого, напр., зависятъ, что мы живемъ въ городахъ. Изъ неподражаемаго по силѣ рассказа того же Чехова мы знаемъ, что и въ деревняхъ не меньше духоты, тѣсноты и несравненно больше темноты. Значитъ, не въ условіяхъ только города или деревни надо искать причинъ, создающихъ футляръ. Они гораздо шире и равнымъ образомъ даютъ и городъ и деревню. Они заключаются отнюдь не въ насъ самихъ, а лежатъ внѣ насъ, и сущность ихъ сводится къ отсутствію общественной жизни. Гдѣ нѣтъ хода для личности, для развитія инициативы, проявленія своего „я“, гдѣ каждый ничтожный по существу актъ личной воли наталкивается на рядъ препятствій, требующихъ крайняго напряженія всѣхъ силъ, гдѣ даже такой пустякъ, какъ ѣзда на велосипедѣ, допускается лишь съ особаго разрѣшенія, послѣ предварительныхъ испытаній, тамъ простой средній человѣкъ, составляющій массу, поневолѣ опускается, теряетъ интересъ къ жизни, къ своимъ обязанностямъ, ко всему, что непосредственно не затрагиваетъ его

шкурнаго существованія. Вѣчный страхъ за кусокъ хлѣба, за винтъ, чинишку, которому цѣна грошъ — это не составляетъ футляра, а лишь результаты общаго футляра, въ которомъ жизнь замираетъ и вмѣсто нея являются ея сурогаты...

Г. Чеховъ сумѣлъ съ беспощадной силой раскрыть все ничтожество футлярной жизни, и въ этомъ заключается жгучая особенность его послѣднихъ произведеній. Онъ выбираетъ, можетъ быть, безсознательно самыя больныя мѣста нашей жизни и заставляетъ насъ „вложить палецъ въ рану“, и такъ какъ у каждого она такъ или иначе болитъ, то и получается та особая острота ощущеній горечи, недовольства и тоски жизни, которую испытываешь при чтеніи Чехова.

Въ ~~разсказѣ~~ ^{статья, написанная Чеховымъ} „Крыжовникъ“, ветеринарный врачъ разсказываетъ про своего брата, въ лицѣ котораго Чеховъ сумѣлъ представить одинъ изъ самыхъ распространенныхъ типовъ обывательской пошлости, человѣческаго ничтожества, самодовольнаго и безцѣльнаго прозябанія. Хотя этотъ разсказъ и не имѣетъ непосредственной связи съ предыдущимъ, но въ немъ какъ бы обрисовывается среда, гдѣ властвуетъ чловѣкъ въ футлярѣ. Николай Ивановичъ, герой разсказа, это живой представитель того мірка, гдѣ чловѣкъ въ футлярѣ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вытраивалъ все чловѣческое, все сколько-нибудь возвышающееся надъ низменнымъ уровнемъ будничной жизни. Съ дѣтства въ немъ подавлялся всякій живой порывъ, благородное, сочувственное движеніе души, свободная мысль, не укладывающаяся въ рамки ограничительныхъ циркуляровъ. Юношескія мечты, горячія стремленія, мысли о борьбѣ, о благѣ людей, все было подавлено всепоглощающей мыслью о личномъ существованіи, страхомъ за эту жалкую жизнь, боязнью предъ невидимымъ — „какъ бы чего не вышло“. Единственной мечтой этого забитаго существа является собственный уголокъ земли, маленькая усадьба, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя спокойно. Это чисто-звѣриное стремленіе къ своей берлогѣ, подальше отъ другихъ, куда страхъ загоняетъ звѣря, гдѣ послѣдній можетъ, наконецъ, безъ опасенія протянуть усталыя лапы. Страстное стремленіе къ такому уголку мало-по-малу оформилось, развилось въ цѣльную картину своей усадьбы на берегу небольшой рѣчки, съ садикомъ, въ ко-

торомъ непремѣнно есть крыжовникъ. Этотъ крыжовникъ является въ мечтахъ Николая Ивановича кульминаціоннымъ пунктомъ благополучія, недостижимымъ счастьемъ, которому онъ жертвуетъ всю жизнь. Онъ живетъ, не доѣдая и не досыпая, копить гроши, отказываетъ себѣ во всемъ. Ради него женится на старухѣ съ деньгами, которую своею скупостью доводитъ до преждевременной смерти. Наконецъ, уже сѣдой, старый, безъ силъ и желаній, онъ послѣ смерти жены осуществляетъ свою мечту молодости. Разсказчикъ пріѣзжаетъ къ нему и видитъ его на вершинѣ блаженства, когда Николай Ивановичъ угощаетъ гостя *своимъ* крыжовникомъ, кислымъ, незрѣлымъ, и въ восторгѣ отъ каждой ягодки восклицаетъ: „Какъ вкусно!“ Печаль и тоска овладѣваютъ разсказчикомъ при видѣ этой пошлости, самодовольной, ограниченной, не желающей ничего знать, видѣть, понимать, кромѣ *своего* крыжовника.

„Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! — съ душевною болью восклицаетъ авторъ устами разсказчика. — Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ, живущихъ въ городѣ, ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмущенъ. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спать, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, проходить за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія, столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито... И такой-то порядокъ, очевидно, нуженъ: очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждого счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно

покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда — болѣзнь, бѣднота, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не услышитъ другихъ“.

Охваченный волненіемъ, рассказчикъ восклицаетъ: „Ахъ, если бы я былъ молодъ!“ — и обращается къ одному изъ слушателей, молодому помѣщику Алехину, съ воззваніемъ.

— Павелъ Константиновичъ! Не успокойвайтесь, не усыпайте себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... Дѣлайте добро!“

И тутъ же, чтобы подчеркнуть все безсиліе такихъ воззваній, авторъ описываетъ богатую, изящную обстановку дома Алехина, гдѣ шелъ разговоръ. „Когда изъ золотыхъ рамъ глядѣли генералы и дамы, которые въ сумеркахъ казались живыми, слушать рассказъ про бѣднягу чиновника, который ѣлъ крыжовникъ, было скучно. Хотѣлось почему-то говорить и слушать про изящныхъ людей, про женщинъ. И то, что они сидѣли въ гостиной, гдѣ все — и люстра въ чехлѣ, и кресла, и ковры подъ ногами, говорили, что здѣсь когда-то ходили, сидѣли, пили чай вотъ эти самые люди, которые глядѣли теперь изъ рамъ, и то, что здѣсь теперь безшумно ходила красивая Пелагея, — это было лучше всякихъ рассказовъ“...

Послѣдній рассказъ „Любовь“ проникнуть той же грустной, щемящей сердце нотой, какъ и оба предыдущіе. Этотъ рассказъ усиливаетъ впечатлѣніе ненормальности окружающей жизни, спутанности въ ней самыхъ простыхъ отношеній, безжалостности людей другъ къ другу, ихъ неумѣнья жить по-человѣчески. Алехинъ рассказываетъ о своей любви къ замужней женщинѣ, которая тоже любила его; какъ они оба тайли эту любовь, старались исполнять свои обязанности, страдали, томились, и только въ минуту разставанья оба поняли, что они потеряли и какъ пропустили самое главное въ своей жизни. „Когда тутъ, въ купе, взгляды наши встрѣтились, душевные силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрая отъ слезъ, — о, какъ

мы были съ ней несчастны! — я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе*.

Алехинъ — умный и хорошій человѣкъ, чувствующій призваніе къ наукѣ, къ общественной дѣятельности, а занимается сельскимъ хозяйствомъ, котораго не любитъ и не знаетъ, во имя взятаго на себя призрачнаго долга поднять состояніе, распатанное отцомъ. Такъ упустилъ онъ свое истинное призваніе, какъ упустилъ любовь, разбилъ и свою и другую жизнь, потому что не было въ немъ гордости, твердой воли и энергіи. Все это выѣла въ немъ футлярная жизнь, оставивъ горечь воспоминаній и сознаніе ненужности своей жизни.

Всѣ три разсказа, при разнообразіи сюжета и малой связи, проникнуты и объединены общей печалью и тоской, лежащими въ ихъ основѣ. Исторія человѣка въ футлярѣ мѣстами глубоко комична, напр., его ухаживаніе; также смѣшна и фигура любителя крыжовника, но улыбка ни разу не освѣщаетъ лица читателя. Сквозь внѣшній комизмъ просвѣчиваетъ такое тяжелое, грустное настроеніе автора, что самый комизмъ персонажей только углубляетъ безотрадные выводы, которые сами собой вытекаютъ изъ рисуемыхъ авторомъ картинъ пошлости и житейской неурядицы. Автора мучаютъ темныя стороны жизни, къ которымъ Чеховъ сталъ какъ-то особенно чутокъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Правда, и прежде одной изъ основныхъ нотъ въ его настроеніи была меланхолическая струнка, напр., въ его „Хмурыхъ людяхъ“, въ „Сумеркахъ“, но теперь она стала преобладающею. Вспомнимъ его „Мужиковъ“ или „Моя жизнь“, гдѣ траурный фонъ застилаетъ сплошь всю картину. Жизнерадостное, бодрящее чувство какъ бы совсѣмъ покинуло автора, и жизнь рисуется ему, какъ облачный день, въ туманѣ печали и тоски, разстилается предъ нимъ, какъ необозримая ровная степь, съ низко нависшими облаками, гдѣ ни одинъ лучъ солнца не проглянетъ, не согрѣетъ, не освѣтитъ печально и безъ цѣли бредущихъ путниковъ.

Помимо разных причин, могших усилить въ авторѣ его пессимизмъ, намъ кажется, эта особенность коренится въ общихъ свойствахъ таланта Чехова. Художественное творчество его напоминаетъ превосходное, но разбитое зеркало, въ каждомъ обломкѣ котораго отражается съ удивительной рельефностью и правдивостью тотъ или иной уголокъ жизни. Но соединить всѣ эти уголки въ общую цѣльную картину онъ не можетъ, откуда и происходитъ чрезмѣрность темной окраски каждой отдѣльной картинки, усиливаемая, сверхъ того, личнымъ настроеніемъ. Жизнь въ цѣломъ отнюдь не такъ ужъ мрачна и безысходно тосклива, какою она кажется, если разсматривать ее по частямъ, въ деталяхъ. Но для болѣе свѣжаго и радостнаго настроенія необходимо нѣсколько подняться надъ нею, чтобы схватить ее шире, взглянуть на нее во времени и пространствѣ и уловить общую гармонію частей, гдѣ не всегда и не вездѣ одни человѣки въ футлярѣ диктуютъ законы, не только *свой* крыжовникъ является центромъ, около котораго вращаются всѣ помысленія. Какъ ни сперта и душна атмосфера туманнаго облачнаго дня, живое вѣяніе жизни то здѣсь, то тамъ даетъ себя чувствовать, если только нарочно не запирашь всѣ окна, отгораживаясь отъ всего живого, вольнаго, всего, не мирящагося съ низменными интересами дня. Если бы было иначе, не стоило бы и жить. Есть великое утѣшеніе въ мысли, что всему бываетъ конецъ на свѣтѣ, — будетъ конецъ и футлярному прозябанію...

Замѣчается и еще одна особенность, совершенно новая для Чехова, который отличался всегда поразительной объективностью въ своихъ произведеніяхъ, за что нерѣдко его упрекали въ равнодушіи и безпринципности. Теперь же, какъ навѣрное уже замѣтили читатели въ приведенныхъ выдержкахъ, Чеховъ не можетъ удержаться, чтобы мѣстами не высказаться, вкладывая въ реплики героевъ задушевные свои мысли и взгляды, какъ, напр., заключеніе разсказа „Человѣкъ въ футлярѣ“, тирада Ивана Ивановича о невозможности жить такъ дольше или патетическое воззваніе къ добру въ разсказѣ „Крыжовникъ“. Можно сказать, что мракъ и отвратительная пошлость изображаемыхъ имъ картинъ вырываютъ изъ груди художника невольный стонъ. Онъ не можетъ оставаться только художникомъ и помимо

воли становится моралистомъ и обличителемъ. Такая новая черта крайне знаменательна для настроенія автора. Въ немъ какъ бы назрѣваетъ какой-то переломъ, прорывается нѣчто, сближающее его съ другими нашими великими художниками, которые никогда не могли удержаться на чисто-объективномъ творествѣ и кончали проповѣдью, одни, какъ Левъ Толстой, жертвуя ей всѣмъ своимъ художественнымъ талантомъ, другіе, какъ Гаршинъ, своимъ субъективизмомъ, окрашивая свои произведенія почти до тенденціозности (напр., „Художники“ Гаршина). Мы вполне увѣрены, что огромный талантъ Чехова удержитъ его въ должныхъ границахъ, и нѣкоторая доля субъективности только углубитъ содержаніе его творчества.

<#. Богдановичъ>

<....>

Д. Б. ↓